

Баки давно срубил отхожее место таким, каким привык видеть его у себя в замке. Только из дерева. Это было очень кстати — он мог посадить друида на самодельный деревянный трон, припереть спиной к стене сараюшки и отойти за угол, чтобы не мозолить заплаканные глаза. Он не понимал, чему Стив так расстраивается. Слышал только, как тот шептал: никогда не встану, никогда. И долго думал, как же это так? Как же не встанет, когда Баки для него делает всё, как учила ведьма? И тут же вспомнил про семя. Раньше друид спал. А теперь... Теперь придётся добывать собственное семя при нём. И мысль эта Баки страшно не понравилась. Потому что зверь его, словно впавший в зимнюю спячку, голодно шевельнулся и рыкнул глубоко внутри.

— Если я не поднимусь, ты должен убить меня, — полоумно шептал друид, пока Баки заносил его в землянку. Рассветные лучи всюду красили небо и снег в цвет сукровицы, и день должен был выдаться солнечным. Баки решил, что сегодня же вытащит друида днём на улицу, уложит или усадит на ворох шкур хотя бы ненадолго. Он ведь связан с природой. Он должен видеть солнце и небо, а не только лежать в закопчённой землянке и думать о ненужных вещах. — Обещай мне.

— Нет, — отрезал Баки и накрыл друида двумя шкурами. — Даже не проси. А сейчас отвернись. И не смотри на меня, — попросил он устало, снимая с деревянной полки горшок с молоком.

Тело с каждым разом откликалось всё неохотнее. Рутину убивала всякое желание трогать себя, но Баки помнил слова ведьмы. Он научился заставлять своё тело и даже делал себе приятно — макал пальцы в горшочек с топлёным ещё с осени жиром и растирал по члену, отчего ласки становились скользкими и жаркими. Он привычно изливался в горшочек с молоком и, ещё учащённо дыша, намешивал туда же травы. Волчата любопытно тыкались в смазанные жиром и каплями семени пальцы, пытаясь их лизнуть, и Баки, досадливо ворча, отгонял их. Это повторялось раз за разом, превратившись в особый ритуал.

Стив лежал спиной к нему под шкурами, закутанный до самых ушей, но Баки понимал, что тот слышит всё, чем Баки занимается совсем рядом, по другую сторону очага. Это знание заставляло уши гореть, но Баки знал — он не остановится. Ведьма сказала — если хочешь поставить на ноги. А Баки очень хотел. Он собирался вернуть друиду всё, что у него было до вторжения пиктов на его земли, в его лес. Он хотел, чтобы мальчишка жил так, как жил до него. Чтобы был счастлив и здоров, чтобы занимался привычными делами. Может быть, он сам был послан друиду богиней Дану, чтобы защищать его и хранить покой. Может быть, таким служением богиня намеревалась усмирить его, Баки, крутой нрав. Сейчас это не имело значения. Баки был уверен в том, чего он хочет. И он точно знал, что делать, чтобы этого добиться. Он не сдастся.

Порой Баки вспоминал, как когда-то, в другой жизни он стоял посреди шатра в окружении самых доверенных воинов своего отряда. Брок был рядом и скалился, горячо зыряка из-под рассечённой надвое брови. Стив стоял перед ним на коленях, гордый и отсутствующий, словно опоенный зельем безразличия. Его простая рубаха была порвана, и в прорехе ворота торчало острое, молочно-сладкое плечо. Баки до сих пор отчётливо помнил, какой хрупкой ощущалась его челюсть в собственных пальцах. Казалось, чуть сдави — и она выскочит из пазов черепа, навсегда открывая доступ в тёплое, узкое горло. Баки помнил, как жадно толкался своей плотью между губ, удерживая эту безвольную челюсть в пальцах, и мальчишка даже не

пытался соединить зубы. Не пытался и дёрнуться. Словно был не в том месте в тот момент. Словно вовсе не понимал, что происходит. И только слёзы, наконец потёкшие из его небесно-голубых глаз, когда Баки вылился ему в горло и вытерся о щёку, засвидетельствовали его присутствие. Но Баки было уже всё равно — он видел, как Брок смотрит. И знал, как сильно тот хочет попробовать мальчишку тоже. Поэтому он отдал друида своим воинам. И он отдал бы им намного больше, чем какой-то лесной колдун. Но они стояли с основным войском уже которые сутки, и только томились в ожидании боя, грабежа и наград. Мальчишка, чтобы развлечь их, был неплохим решением, и Баки принял его, позволив кивая Броку.

Баки помнил, как его больше не интересовала судьба друида. И помнил, как в ночь ударила страшная гроза, и дождь лил до тех пор, пока галлы не настигли их войско и не перебили всех.

Почти всех.

Где теперь его воины, с которыми Баки рубился, не зная страха и усталости, плечом к плечу?

Где Брок, наставник его и первый учитель боя, правая его рука, верный соратник?

Где всё то пиктское войско, сравнившее с травой холма древнюю крепость Дун-Летфинн? Вывезшее столько золота и ценностей, что сундуков не хватало, и их распихивали по обозам между мешками с провизией?

Где верный его конь, Чёрный, которого Баки сам вырастил и выучил боевым трюкам, который никого более не подпускал к своему боку и слыл за глаза бешеным?

Никого не осталось. Все полегли на том безымянном поле меж трёх холмов, сплошь покрытых вереском. И нужно было бы подумать, что это плохой знак, ведь вереск издревле слыл мертвячьей травой. Его сладкий запах был хорош только для мёда, что варили друиды кельтов по своим секретным рецептам, но Баки даже не вспомнил об этом, когда вталкивался между губ мальчишки.

Все они ушли, погибли, закончили свой путь. И только Баки, единственно виновный, остался жив. Он и проклятый друид, потерявший веру в собственные ноги.

<http://erolate.com/book/3459/83635>